

**ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ
СОБСТВЕННОЙ БИОГРАФИИ
МЫСЛИ НА ФОНЕ ОПЫТА
МОИХ УЧИТЕЛЕЙ¹**

**THE PROBLEM
OF CREATING ONE'S OWN
BIOGRAPHY OF THOUGHT
WITH THE EXPERIENCE
OF MY TEACHERS
AS THE BACKGROUND²**

В. П. Макаренко*

ORCID: 0000-0001-5651-4543

* Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

Viktor P. Makarenko*

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования – поставлена проблема синтеза нравственной, когнитивной, социально-политической и исследовательской оптики при анализе жизни и судьбы философов-шестидесятников.

Методологическая база исследования. Обсуждение альтернативы «идеологический надзор – интеллектуальная совесть». Идеологический надзор советской власти над философией превратил ее в средство подавления свободомыслия. Это обострило постановку и обсуждение множества мировоззренческих и нравственно-политических проблем, характерных для советского общества и государства. В целях анализа причин обострения автор использует теорию биографии, поколенческий подход, концепции восприятия литературных произведений, тезауруса, свободы и идеологии. Они позволяют установить меру независимости каждого индивида и поколения от «пыли советской повседневности» в постсоветской России.

Objective of the study. The problem of the synthesis of moral, cognitive, social and political as well as research optics in the analysis of the life and fate of the philosophers of the Sixties is stated.

The methodological basis of the study is the discussion of the alternative “ideological supervision – intellectual conscience”. The ideological supervision of the Soviet government over philosophy turned it into a means of suppressing free thought. As a result, the formulation and discussion of many ideological, moral and political problems of Soviet society and Soviet state were aggravated. To analyze the causes of aggravation, the author uses the theory of biography, generational approach, concepts of perception of literary works, perception of thesaurus, freedom and ideology. It allows us to establish the measure of independence of each individual and generation from the “dust of Soviet everyday life” in post-Soviet Russia.

¹ *Посвящается философам-шестидесятникам.*

² *Dedicated to the philosophers of the Sixties.*

Результаты исследования. Рассмотрены гносеологические, идеологические и политические предпосылки доносительства, связь между изменениями политического курса правительства и политико-идеологическим оправданием власти, механизмы трансляции советского двурушничества в современные условия. Обнаружено единство мнений философов-шестидесятников в отношении доносительства. Автор считает, что их опыт не может считаться элементом прошедшей истории, списанным в архив. Систематизированы элементы концепции социальной критики А. А. Зиновьева.

Перспективы исследования. Ставится проблема эвристичности выводов статьи при описании системы возвратного тоталитаризма, сложившейся в современной России.

Ключевые слова: философы-шестидесятники, альтернатива «идеологический надзор – интеллектуальная совесть», феномен доноса

The results of the study. The epistemological, ideological and political prerequisites of whistleblowing; the connection between changes in the political course of the government and the political and ideological justification of power; the mechanisms of translation of Soviet double-dealing into modern conditions are considered. The unity of opinions of the philosophers of the Sixties on the whistleblowing has been revealed. The author believes that their experience cannot be considered an element of past history, copied into the archive. The elements of A. A. Zinoviev's concept of social criticism are systematized.

Prospects of the study. The problem of the heuristic nature of the conclusions of the article is posed when describing the system of recurrent totalitarianism that has developed in modern Russia.

Keywords: philosophers of the Sixties, alternative “ideological supervision – intellectual conscience”, phenomenon of whistleblowing

Введение

В одной из своих работ Н. В. Мотрошилова писала, что стремление уйти от надзора было общей характеристикой советских философов поколения 1960-х гг. Но оно реализовывалось лишь тогда, когда каждый из них имел возможность избрать историю философии, логику и методологию науки сферой собственных занятий. Нелли Васильевна считает эти сферы знания идеологически нейтральными. Если стремление было сильным и выбор реализовывался, то философ-шестидесятник добровольно попадал в сферу действия определенных социологических условий. Нелли Васильевна описывает их на основе собственного опыта: философ становился членом одной из малых групп, бытие и структура которых не совпадали с официальными академическими учреждениями; множество таких групп образовало микро-социальный уровень межличностных коммуникаций; возможность коммуникаций обеспечивалась появлением в СССР в 1950–1970-х гг. академических учреждений, в которых создавались условия для развития исследований, неподконтрольных власти; приобретали популярность те индивиды, кто сформировал себя как свободную и творческую личность; существовала миграция умов и талантов из одной институции в другую (Мотрошилова, 2022. С. 323–325).

Идеологический надзор или интеллектуальная совесть?

Приведенный отрывок можно воспринимать различно: как фрагмент процесса становления в СССР классического типа *self-made man*'а – важной предпосылки современного общества; как часть социальной истории официальной советской философии в период заката СССР; как *case-study* процесса образования и функционирования «невидимых колледжей» в советских условиях (с оговоркой относительно возможности применения теории Дианы Крейн к философским сообществам вообще, а советскому в особенности); как фрагмент теории группускул (в сфере профессиональной философии); как фрагмент интеллектуальной биографии философов-шестидесятников и т. п.

Каждое из этих направлений восприятия текста предполагает наличие у исследователя ее «трудов и дней» определенного жизненного, читательского и исследовательского опыта. Этот опыт может способствовать (или препятствовать) синтезу нравственной, когнитивной, социально-политической и исследовательской оптики при реализации цепи индивидуальных познавательных актов, связанных с анализом жизни и судьбы Нелли Васильевны. Такая оптика не может возникнуть и, тем более, функционировать без устойчивой шкалы ценностей у исследователя, более или менее конгениальной шкале ценностей того индивида, который служит объектом описания. Степень расхождения ценностей субъекта и объекта описания способствует многообразию интерпретаций.

Но хорошо известно, что полное отождествление исследователя с объектом изображения невозможно, а любые шкалы ценностей подвергаются постоянным испытаниям на прочность. Значит, восприятие и чтение любого текста можно определить как социальный процесс незримой передачи сокровенного аксиологического опыта от одного индивида другому (с естественной оговоркой об индивидуальных и групповых пределах любой сокровенности) и вытекающей отсюда трансиндивидуальной суггестии.

Аксиологический опыт обусловлен множеством обстоятельств. В том числе универсальной социокультурной типологией чтения как соблазна, бунта, одержимости (Мангель, 2020; Неретина, 2022) и ее специфической трансформацией в СССР как труда, творчества и способа общения (Асмус, 1961; Рац, 2012). Однако ни общие, ни частные типологии чтения еще ничего не сообщают нам о специфике выработки и функционирования навыка постоянного чтения именно (и преимущественно) философской литературы на протяжении всей зрелой жизни индивида. Однажды и навсегда заведенный ритм чтения философских сочинений и связанных с ними сомнений, размышлений и рассуждений со временем создает специфическую ауру индивидуальной повседневности, которая противостоит общепринятым образцам поведения и схемам мышления. Эта аура может преобразоваться в профессиональное изучение философии. На этой основе постепенно генерируется стремление

сочинить нечто подобное – если общие задатки к этому действию у индивида уже сложились. То и другое невозможно без выработки своего собственного опыта понимания, постоянного осмысления и переосмысления одного или множества философских трудов. Еще более важна реализация принципа «ни дня без строчки» (по удачному определению Ю. Олеси), на основе которого возникает привычка ежедневного писательства. Умение постоянно интересоваться и читать чужие и писать свои философские тексты постепенно создает в каждом индивиде, избравшем этот жизненный удел, незримую для других иерархию жанров словесного творчества.

Это умение преобразуется в устойчивый навык по мере выработки своего собственного стиля чтения и письма, который входит в процесс подготовки будущих статей и книг. Причем, каждый находит свой не менее собственный способ соединения вырабатываемого стиля с процессами повседневной жизни, от которой не может освободиться ни один мыслитель. Привычка систематически читать и писать философские труды постепенно отбивает интерес к массовой литературе и даже вполне приличным романам, не говоря уже о СМИ. Они все больше кажутся примитивными и недостойными траты времени. Философские труды способствуют выработке у адепта философии особого внутреннего мира, который постепенно разрастается – по мере появления все большего числа тем, которые вызывают мимолетный или устойчивый интерес. Отсюда вытекает рост количества заготовок будущей интеллектуальной продукции у каждого мыслящего человека. Такой внутренний мир постепенно становится океаном – особой индивидуальной бесконечностью, которая вытесняет все внешние давления на индивида, если они никак не связаны с творческим процессом. Ты оказываешься связанным собственным миром нереализованных замыслов, которые кроме тебя никто не «довеет до ума» – мало-мальски завершенной формы. Этот внутренний мир в состоянии победить любое давление обстоятельств, даже трагических. И он вырабатывает специфическую интеллектуальную эстетику, в которой умопостижимые моменты окружающего бытия и индивидуального творческого процесса сливаются с миром эмоций и ощущением прекрасного. Моменты их слияния становятся вершинами эстетического наслаждения, пережить которое удается немногим. Поэтому взаимопонимание в этой сфере труднодостижимо, а нередко и невозможно. Становление любого оригинального мыслителя – это процесс расширения поля незримой и зримой полемики со всем окружающим миром.

Однако процесс создания собственного способа создания и погружения в интеллектуальный мир требует многолетней тренировки, в ходе которой институт внешнего тренерства исключен. Ни один тренер не в состоянии выработать и предложить гарантию преодоления зависимости индивидуального восприятия философских произведений от уже существующих шаблонов и

схем – в том числе в сферах истории философии, логики и методологии науки. Каждый из специалистов данных сфер не может обойтись без добровольного выбора одной или нескольких методологических концепций и связанных с ними школ. Выработка своей собственной «биографии мысли» – цель и предпосылка жизни любого оригинального мыслителя (Сафрански, 2016). Насколько биография мысли совпадает с жизненным процессом? – особый вопрос, который может быть поставлен в отношении любого мыслителя.

Поэтому проблема оригинальности историко-философских исследований требует особого обсуждения. Вполне строго проблематика и концепция историко-философского процесса сформулирована старшим коллегой Нелли Васильевны – Михаилом Константиновичем Петровым в виде вопросов (Петров, 1996. С. 75–93)¹. На эти вопросы не существует однозначного ответа. Петров рискнул опубликовать свой ответ², но за это его отстранили от преподавания истории философии на философском факультете Ростовского университета. Однако однозначности по всему кругу указанных вопросов не существует до сих пор, и вряд ли когда-нибудь она будет достигнута. Значит, считать их идеологически нейтральными было бы опрометчиво. Мнение Мотрошиловой об идеологической нейтральности истории философии требует уточнения.

В любом случае постоянное и регулярное чтение философских трудов как устойчивый навык повседневной жизни и осознанное превращение таких трудов во множество «дежурных книг» требует особого анализа. Термин «дежурная книга» ввел А. Шмеман для описания присутствия книги в жизни каждого дня. Через чтение такой книги проявляется и обогащается день – множество наблюдений, ощущений, мимолетных впечатлений и серьезной рефлексии, досадных и горестных констатаций, мировоззренческих раздумий и безжалостных вердиктов. Вся повседневная жизнь включена в

¹ Речь идет о следующих вопросах: можно ли говорить о всемирной истории философии или надо придерживаться локально-европейской постановки вопроса? начинать ли историю философии с милетцев? надо ли в историю философии включать историю теологии? являются ли материализм и идеализм универсальным основанием всех философских школ? как излагать историю философии – как историю философских идей, проблем или философов? как членить курс истории философии: по хронологии или содержанию? как понимать историю: как конкретный анализ множества пространственно-временных определенностей или как взгляд назад (ретроспектива)? должна ли история философии включать историю науки?

² Ответ Михаила Константиновича был таким: не существует всемирной истории философии, есть локально-европейская постановка вопроса о генезисе и развитии философии; философия начинается с мифа, а не с милетцев; история теологии должна включаться в историю философии; материализм и идеализм не являются универсальным и внеисторическим основанием классификации всех философских школ; курс должен строиться как история философских идей, а не история философов; членение курса должно подчиняться содержанию, а не хронологии; историзм есть конкретность социального анализа, а не ретроспектива; история философии должна включать историю науки.

чтение и размышление о содержании прочитанных книг, которые приобретают функцию бинокля для разглядывания того, что мы переживаем. В отношении «книга – повседневная жизнь» приоритет принадлежит книге (Шмеман, 2007).

Но отец Шмеман ничего не писал о философских трудах как о «дежурных книгах» и о зависимости такого чтения от определенного отношения читателя к философии (от нигилизма через сомнение (скепсис) до пиетета и беззаветной преданности делу философии потому, что «иначе жить нельзя») и от определенного понимания философии исследователем философии и собственно философом. Здесь тоже возникает пучок проблем. Для их обсуждения существуют целые концептуальные школы. По сути дела, мы не располагаем систематическим знанием о множестве «дежурных книг» в жизни хотя бы выдающихся мыслителей, не говоря уже о скромных профессионалах философской работы. Но скромность в этой сфере переплетается с твоей гордостью перед самим собой за то, что ты добровольно, по собственной инициативе и без всяких внешних принуждений подчинил себя высочайшим критериям интеллектуальной требовательности и в этом смысле связал себя жесточайшей дисциплиной, которую никто третий тебе навязать не может. Эти критерии задает весь корпус истории мысли, в которой ни одна стоящая идея никогда не пропадает!

Например, философию можно рассматривать как элемент общего процесса познания в его пространственно-временных параметрах. В этом случае элементарный историко-сравнительный метод порождает определенную исследовательскую программу, в которой страновая компаративистика подчинена критерию свободы науки от господства властно-политических структур государства. Опять-таки подчеркну, что полной свободы здесь не бывает. Однако даже применение этого метода к истории науки позволило установить и описать конкретные свойства английской, французской и российской моделей взаимодействия науки и власти и их трансформации в условиях постсоветской России (Наука и кризисы... 2003). Специфика российской/советской модели сводится к превращению науки в средство обслуживания текущих интересов государственного аппарата в укреплении его власти над населением страны. Сравнение этой модели с другими моделями (английской и французской) обеспечивает расширение пространства спора, который, видимо, никогда не закончится.

Если же философию считать фрагментом подвластной науки (как это было в СССР), то возникает набор крупных мировоззренческих и нравственно-политических проблем: философия в системе власти; мера репрессий власти в отношении философии; идеологические и манипулятивные кампании в философии; формы борьбы за автономию философии и т. д. Каждая из указанных проблем включает множество когнитивных задач – в зависимости от

потенциала, опыта и целей конкретного исследования (Подвластная наука... 2010). Ни одна из указанных проблем не решена в современной России, наоборот, они обострились (Подорога, 2010).

Вырисовывается перспектива дискуссии о причинах такого обострения. Возникающий пучок интерпретаций подвластной философии может вдохновляться теорией биографики (Козенко, Корсаков, 2007), раздвигающей эпистемологическое пространство исследования жизни и смерти конкретных философов. Первое поколение советских философов было искренне убеждено в истинности марксовской программы социального переустройства. Но оно первым пошло под нож и было полностью истреблено Сталиным, поскольку претендовало на собственную интерпретацию текстов К. Маркса и В. Ленина и вытекающую отсюда оценку политического руководства страны. После 1991 года возник новый контекст политкорректности, «...который посредством страха табуировал определенные понятийные пласты» (Корсаков, 2022. С. 95). Требуется обнаружить и систематически описать эти табу.

Дискуссия по этому вопросу стимулируется выходом сборника, позволяющего изучать меру устойчивости и подвижности системы опыта и ценностей у каждого поколения советских философов, в том числе шестидесятников (Синеокая и др., 2022). Согласно метафоре Ф. Броделя, в общем случае зависимость индивида от пространственно-временного хронотопа может принимать форму конъюнктур, структур и длительных временных протяженностей. Правда, Бродель не включал идеологию в состав указанных определителей исторического процесса. Однако история России после 1917 года позволяет уточнить французского историка. Речь идет об установлении меры (степени) независимости каждого индивида и поколения от пыли советской повседневности.

Для движения по этому пути можно использовать концепцию Р. Ингардена о специфике восприятия литературных произведений, в составе которого он выделял особую предварительную эмоцию. Эта эмоция предшествует выработке любого устойчивого чувства нравственной, социально-политической, когнитивной и исследовательской солидарности любого читателя с любым автором любой книги, написанной в советское и постсоветское время. Поэтому не только история средневековья была, есть и будет «нескончаемым спором» (Гуревич, 2005). Именно история философии, логика и методология науки обеспечивают и постоянно расширяют пространство спора. В каждой из них существует тезаурус когнитивных традиций, большая или меньшая степень свободы которых от идеологии всегда будет предметом дискуссии (Петров, 2004). Говорить об абсолютной свободе в этой сфере нет смысла. Особенно при наличии конкурирующих концепций свободы и идеологии, воплощенных во множестве социальных и политических институтов, которые еще более расширяют территорию спора (Философия и идеология... 2018).

Поэтому вопрос: к какой из концепций свободы и идеологии примкнуть? – возникает намного позже нашей реальной принадлежности к той или иной школе или социальному институту. В школу нас ведут, вообще не спрашивая о согласии.

А поскольку идеология была навязана сверху населению страны, мнения которого не спрашивали, постольку все советские поколения прожили по принципу «Не до жиру, быть бы живу». Возможность выбора концепции – достоинство и даже счастье крайне ограниченного круга людей. Прекрасно, если такой выбор можно было осуществлять в пределах согласия (несогласия) со всем кругом обозримых концепций и институтов и предпочтения одной (или больше) из них в рамках собственной интеллектуальной совести. Но власть стремилась сунуть свой нос во все сферы социальной жизни. Поэтому о проблеме интеллектуальной совести почти ничего не говорили на всем протяжении существования советской власти. Хотя эта проблема всегда существовала, а настоящее время постепенно выходит на авансцену публичного пространства.

В СССР такая совесть была производной не от официальной советской идеологии, а от «...главной функции культуры как рефлексии совести, как искания смысла, как очищения и преображения стихийных сил. Или, еще проще, как ответственности за судьбу народа, страны» (Шмеман, 2021. С. 140). Поэтому мне кажется продуктивной идея Нелли Васильевны о социальном генезисе интеллектуальной совести в конфронтации с советским феноменом идеологического надзора.

Перспективы энциклопедии...

Процесс вызревания конфронтации свободомыслия с этим надзором на примере истории советской философии детально описал В. В. Соколов – учитель большинства философов-шестидесятников. Из многообразия приведенной им информации отмечу несколько моментов.

По мнению Василия Васильевича, метафоры страдания и просветления позволяют исследователю дистанцироваться от связи между советским и постсоветским философским процессом. Страдания философии в СССР определялись ее догматизмом. «Пролетарская» философия в России объявлялась ее «ленинским этапом», хотя на деле это был новый идеологический этап. В его состав входило положение о взаимоисключающем характере материализма и идеализма как абсолютной истины и абсолютной лжи (Соколов, 2016. С. 94–96). Важную роль играли также бездарность и приспособленчество руководителей историко-философским процессом, для анализа которых Василий Васильевич предложил концепт руководящих эпигонов и проиллюстрировал их интеллектуальный уровень и моральный облик на примерах М. А. Дынника, Г. С. Васецкого и Г. Ф. Александрова (Соколов, 2016. С. 60, 92–94). В том же ряду находится свидетельство А. Ф. Лосева, который счи-

тал, что сатанинское начало воплощено в марксистско-ленинских начальниках и подчиняющемся им простом народе (Соколов, 2016. С. 83).

Разумеется, догмы «борьбы материализма и идеализма», «диалектики и метафизики» снижали интерес к творческому потенциалу истории философии. Давление марксистско-ленинского догматизма уродовало философское образование, постоянно оттесняя его на уровень идеологии и повседневной политики (Соколов, 2016. С. 89). Эти констатации позволяют учитывать антропологическое содержание философского процесса и выявлять в нем зоны инерции и творчества (согласно концепции социокода М. К. Петрова). Но, прежде чем создать эту концепцию, Михаил Константинович отказался от защиты диссертации под руководством М. А. Дынника. Тот предлагал Петрову как раз искать борьбу материализма и идеализма в античной философии. Но если Петров имел мужество отказаться, то сколько и каких советских «профессионалов от философии» с готовностью соглашались с аналогичными указаниями? Эта страница архива советской эпохи пока не заполнена... В любом случае обеспечение идейного многообразия сопровождалось расширением сферы идеологического надзора.

Но наиболее важным результатом исследования В. В. Соколова мне представляется его идея о связи между резкими изменениями в практической дипломатии и политико-идеологическим оправданием политики советской власти. Эта связь восходит к важному факту его жизни. В августе 1939 года Василий Васильевич записал в своем дневнике резкое осуждение договора между СССР и Германией, а речь Молотова при заключении пакта назвал софистической. В процессе переселения студентов из одного общежития в другое Василий Васильевич забыл дневник. Его нашел сокурсник и передал в комитет комсомола. Год спустя Соколова исключили из комсомола «за двурушничество и осуждение последних мероприятий партии во внешней политике». По поводу этого события В. В. Соколов пишет: «Хотя “двурушничество” и было закономерным явлением, следствием, в сущности, навязанным официальной идеологией, оно при этом было явлением массовым, характерным для “нового человека”, о котором трубили все средства пропаганды» (Соколов, 2016. С. 15).

Стало быть, массовость двурушничества связана с резким изменением политического курса правительства. С этой точки зрения становится понятен показательный факт истории советской философии: все известные философы-шестидесятники солидарны с Мотрошиловой в неприятии идеологического надзора над философией и совместной трактовке философии как науки, а не идеологии. Об этом свидетельствуют все статьи главы третьей сборника «Философские поколения» (Гусейнов, 2022; Кузнецова, 2022; Лекторский, 2022; Неретина, 2022; Соловьев, 2022; Степанянц, 2022; Пружинин, 2022; Розин, 2022). Но о влиянии резких изменений политического курса на поведе-

ние профессиональных философов эти авторы ничего не пишут. Между тем в феврале 2022 года произошел резкий поворот от традиционной советской идеологии мира к российской политике войны, которая из нелегальной войны (Клямкин, 2018. С. 267–539) превратилась в СВО. Между тем достаточно познакомиться с мемуарами П. А. Судоплатова, чтобы убедиться в абсолютной лжи этого эвфемизма (Судоплатов, 1996). Значит, разработка идеи В. В. Соколова ждет своего часа. Изучение механизмов трансляции советского двурушничества в современную Россию приобретает крайнюю остроту.

Важный фрагмент личного опыта Нелли Васильевны связывает ее с коллегами: она сообщает *urbi et orbi*, что советские литературные деятели были доносчиками по долгу службы или по «призванию»; но лучшие историки философии, социологи, гносеологи, логики (т. е. те, кто реализовал указанный ранее выбор) тоже находились под постоянной угрозой доноса: «Под конец это было везде: одни строчили доносы, а другие работали в философии. Надо было и в этих условиях научиться добротнo работать, писать» (Мотрошилова, 2022. С. 344).

Все известные философы-шестидесятники высказывают аналогичное мнение. Например, М. Т. Степанянц пишет, что доносы писали не только тайные осведомители КГБ, но и добровольцы из состава философского сообщества: «Так поступали в сталинские времена ради карьеры, “обретения” квартиры или даже жены того, на кого доносили» (Степанянц, 2022. С. 363).

Э. Ю. Соловьев предлагает концепт кафедральных уродцев для анализа массы косных и бездарных преподавателей философии, возникших первоначально на философском факультете МГУ, из состава которых вербовались доносчики. Попутно Эрих Юрьевич подчеркивает, что Ростовский университет был одним из мест выживания неоортодоксов из круга последователей Э. И. Ильенкова – после их поражения на философском факультете МГУ (Соловьев, 2022. С. 299, 304). Значит, история и опыт Ростовского философского сообщества имеют значение для анализа указанного феномена.

Возможность таких штудий обозначила С. С. Неретина: «То, что мы знаем имена доносчиков от философии, мы обязаны хорошей памяти Зиновьева и тех, кто в этом с ним был солидарен, но мы не знаем имен множества преподавателей философских факультетов в основном в силу их собственной серости и косности преподавания» (Неретина, 2022. С. 391). В развитие такого хода мысли можно сказать: энциклопедия советского доносительства до сих пор не написана. Зато поколенческие, центрo-периферийные и профессиональные аспекты уже появились.

Пролегомены метафизики доноса тоже возникли. Все коллеги Нелли Васильевны фиксируют типичность феномена доноса в советской философской среде. Но специально его не анализируют. Надо обобщить некоторые аспекты этого социокультурного опыта жизни и мысли. Вдохновиться можно ав-

торитетным мнением С. Аверинцева, о котором сообщает И. Дуэль (Дуэль, 2021. С. 66)¹. Его суть состоит в установлении связи между бездарностью и склонностью к доносительству.

Прежде всего подчеркну продуктивность идеи Нелли Васильевны о различии между советскими литературными деятелями и учеными-гуманитариями. Это подтверждается свежим примером. Один из нынешних литературных деятелей России пишет: «Вернемся в мрачное советское прошлое. Борьба с дефицитом заменяла конкуренцию. В обществе провозглашенного и относительного равенства способность человека преодолеть дефицит во многом определяла его положение в социальной иерархии. И не важно, выражалось это в том, что он мог достать импортный мебельный гарнитур, добыть кожаный пиджак а-ля Дом кино или умел пробить сквозь цензуру книгу о том, о чем другим писать не дозволялось. Пробить можно было талантом, родственными связями или дачными знакомствами с партийными иерархами. Чаще – и тем и другим совокупно. Большими мастерами такого “диалога” были шестидесятники, умевшие элегантно дерзить советской власти, не выпуская из губ ее питательных сосцов» (Поляков, 2021. С. 181).

Стало быть, популярный писатель обвиняет всю когорту шестидесятников в двоемыслии. Однако он не видит реальной проблемы. Исходное представление о ней дает запись в дневнике Всеволода Иванова: «Я боюсь, что из уважения к советской власти и из желания ей быть полезным, я испортил весь свой аппарат художника» (Иванов, 2001. С. 196). Значит, речь идет не о дерзости шестидесятников взамен за обеспечение безбедного существования, а о мере осознания каждым человеком искусства и науки того вреда, который был нанесен советской властью творческому процессу в его самой интимной сфере.

Необходимость осознания вреда можно обнаружить у того же В. Иванова, который 8 декабря 1942 года записал в дневнике: «Смотришь на людей и кажется, что состарилась за один год на целое столетие вся страна. Состарилась, да кажется, не поумнела!» (Иванов, 2001. С. 215). Важной предпосылкой тотальной глупости В. Иванов считал тот факт, что государства ошибаются чаще, чем люди: «Государство и есть государство. С него что возьмешь, сегодня оно на карте, а завтра – другая карта, другое государство... Государство вообще-то слепо, бестолково, мрачно» (Иванов, 2001. С. 247).

Приведенный комментарий относится не к идее государства как таковой, а к схемам восприятия действительности, типичных для политической бюрократии. Поэтому с точки зрения описания слепоты советского государства на-

¹ «Мы как-то легко нашли общий язык, стали называть друг друга по именам, без отчества. Я говорю ему: “Сережа, как бездарно пишутся доносы! От их канцелярита уши вянут”. А он мне: “Может, в этом и счастье, Игорь, что талантливые люди в доноски не идут. Только бездарь”.

следство шестидесятников не может устареть. Приведу навскидку несколько свежих свидетельств.

Один из выдающихся литераторов-шестидесятников так резюмирует собственный опыт жизни и творчества: в СССР тюрьма была предпочтительнее жизни на «свободе»; невозможно создать справедливое и процветающее общество с помощью насилия; все утопии (а не только марксизм) при попытке внедрения в жизнь ведут к росту озверения; ложь и стремление к насилию в СССР были постоянным фоном жизни; члены советских военно-репрессивных структур в большинстве своем были ущербными людьми; подавляющее большинство советских людей ненавидело пропагандистскую трескотню, политзанятия, собрания, демонстрации, выборы и субботники; книга в СССР была практически единственным доступным для большинства населения учебником жизни и видом искусства; литературное творчество не должно считаться служением государству (Войнович, 2010. С. 11, 14, 28, 69, 100, 140, 153, 166–167, 169, 181, 329, 405). А поскольку философия есть разновидность словесного творчества, постольку возникают вопросы: насколько констатации В. Иванова и В. Войновича применимы к анализу философской службы государству? или же само выражение «философская служба» содержит противоречие в определении?

Сама возможность постановки таких вопросов на основе простого чтения дневника и автобиографического романа свидетельствует, что мировоззрение шестидесятников не может считаться элементом прошедшей истории, списанным в архив. Оно имеет непосредственное отношение к нынешнему дню России, и, пожалуй, всего постсоветского пространства. Достаточно вдуматься в компендиум рассуждений одного из литературных лидеров шестидесятников по поводу современного этапа бытия России: советский тоталитаризм ловко самоперестроился в нечто по внешности совершенно иное; истинный фундамент, смысл существования и секрет долголетия советской системы – жизненные интересы ее правящего слоя, которые выражаются в монополии на власть и собственность; этот слой враждебен труду, созиданию и творчеству, развивает в людях только хватательный рефлекс и не сулит стране ничего, кроме дальнейшего разложения, развала и распада; демократическую революцию рано или поздно придется совершать заново и в более трудных условиях; в современной России единственно значимый водораздел проходит по-прежнему между верхами и низами общества, причем верхи сохранили за собой монополию на связь власти и собственности; ростки гражданского общества в России связаны с перспективой создания российского варианта польской «Солидарности» (Буртин, 2003. С. 576–585; Макаренко, 2010).

Однако после 2000 года эта перспектива блокирована. Значит, не устарели и те посылки анализа феномена доноса, которые разработал философ-шестидесятник А. А. Зиновьев. Здесь напомним несколько фрагментов его творчества.

В первом из них рассматриваются методологические проблемы. Донос образует предмет дискуссии между типичными фигурами советского интеллектуального сообщества в версии Зиновьева (Патриот, Литератор, Пораженец, Мерин, Интеллигент, Уклонист)¹. Этот отрывок можно прочесть в кон-

¹ *Мерин* излагает концепцию роли доноса в гомогенных социальных системах. По его мнению, для управления коллективом нужно знать фактическое положение дел. Официальные отчеты, сводки, доклады бессодержательны, банальны, вранье, очковтирательство. Начальству надо знать подлинную правду. Донос выполняет функцию обратной связи. *Интеллигент* считает, что начальству подлинная правда нужна лишь в той мере и с такой ориентацией, которые обеспечивают ему наиболее устойчивое пребывание у власти и наиболее благоприятные перспективы в отношении будущей карьеры. По мнению *Интеллигента*, Мерин смешивает два разных типа информации: донос и информос. Донос персонифицирован, негативен, предназначен для карательных органов, его цель – знать, чтобы пресечь, наказать, уничтожить. Информос безличен, для него важен факт и его количественное выражение, он позитивен, нейтрален, предназначен для органов управления, не занятых карами, его цель – знать, чтобы исправить, улучшить, сохранить. Особенность советской ситуации состояла в том, что информос как публичное и официальное явление ложен, а в качестве тайного переходит в донос. *Уклонист* полагает, что неуместно говорить о подлинной правде в общественной жизни. К обществу неприменимо академическое понятие правды. Человек может думать одно, говорить другое, делать третье, иметь взаимоисключающие мнения по одному и тому же поводу, совершать действия, ведущие к взаимоисключающим последствиям. «Человек есть нечто определенное лишь как официальное существо, то есть как гражданин, определенным образом реагирующий на официальные индикаторы» (Зиновьев, 2023. С. 107). Он вводит понятие официального индикатора нормального общества: это официально установленные и признаваемые случаи, когда слова, мысли и дела являются характеристическими (поведение на работе, выступления на собраниях, публикация статей, дача показаний в суде, посещение церкви). Все остальное не является общественно значимым фактом и потому не существует. Совпадение официального и неофициального человека – неосуществимая мечта начальства. Такой человек есть лжец, лицемер, пройдоха, кретин, подонок. Стремление выявить в человеке его «подноготную» – характеристика общества, которое это санкционирует. Неизбежное следствие такой санкции – нравственная деградация людей (развитие угодничества, подхалимства, двуличия, гражданской трусости, ненадежности, официально и морально ненаказуемые в таком обществе). А главное – специальные организации общества начинают в людях искать то, чего в них нет. Отсюда ложное истолкование поведения людей и официальный обман. «Если в обществе начинают искать подлинную правду, то это может означать только одно: призыв писать доносы» (Зиновьев, 2023. С. 107). *Патриот* считает, что в каких-то случаях донос все же приносит добро. *Уклонист* отвергает количественную точку зрения при анализе доноса. Есть основания считать донос безнравственным независимо от его полезности. Донос есть признак деградации, даже если в ста процентах он полезен. *Мерин* констатирует отсутствие полного совпадения интимного состояния сознания и официального выражения человека. *Интеллигент* возражает: это не играет роли, ибо интимное имеет обычно тенденцию к совпадению с официальным, причем совпадение наступает тем скорее, чем меньшее принуждение испытывает индивид. *Мерин* усомнился: по-твоему, люди становятся сволочами добровольно. *Интеллигент*: это так даже в тех случаях, когда это происходит по принуждению. *Мерин*: это диалектика, а он к ней относится с детства как к рыбьему жиру. *Патриот*: рыбий жир полезен. Мерин его послал на...» (Зиновьев, 2023. С. 105–108).

тексте вопросов: насколько указанные фигуры списаны с поведения конкретных людей в конкретных ситуациях генезиса и функционирования советских философских институтов? можно ли эти фигуры считать устойчивыми типами советского интеллектуального сообщества или же они являются следствием давления власти на его формирование и структуру? можно ли применять концепт интеллектуальной полифонии М. Бахтина к обсуждению социологии этого сообщества?

Во втором фрагменте поставлена проблема профессиональной компаративистики доносчиков: по сравнению с литераторами опасность стукачей-мыслителей значительно больше: «Они доносят не столько о делах и даже не столько о словах, сколько о мыслях и намерениях людей» (Зиновьев 2023. С. 135–136). А поскольку мысли и намерения входят не только в предмет всего круга философских исследований, но и составляют цель сыскных служб государства, постольку возникает вопрос: какие философские концепции более или менее способствуют обоснованию доносительства? Мне неизвестны историко-философские работы, в которых реализуется эта цель.

Еще в одном фрагменте описаны социально-политические аспекты доносительства¹.

Наконец, описана перспектива согласия на доносительство как элемент карьеры советских философов: «Согласишься – на более высоком уровне проживешь. Не согласишься – зачахнешь на уровне рядового стукача» (Зиновьев, 2022. С. 44).

Привычные аномалии

В заключение скажу, что мой подход к проблеме состоит в трактовке доносительства как элемента внутреннего шпионажа, существующего в любом государстве (Макаренко, 2014). Я предлагаю рассматривать доносительство как один из элементов множества привычных аномалий, к числу которых относятся полицейское общество, влияние военно-полицейских структур на политику, милитаризм, государственный, военный, религиозный и научный цинизм (в соответствии с классификацией П. Слотердайка (Слотердаик, 2009; Русская власть... 2015. С. 453–572). Здесь отмечу, что на основе «Зия-

¹ К причинам относятся: навязанная идеология, согласно которой все оппозиционные акции совершаются с ведома и под контролем органов; колоссально раздутые штаты Органов и их осведомителей. Стукачи есть во всех учреждениях, примерно один на десять взрослых. Общая оценка такова: аппарат Органов и вся система осведомительства – это типично советское учреждение. Туда отбираются наиболее социальные индивиды, из которых вырастают хапуги, лодыри, лгуны, карьеристы. Но аппарат сыска, доноса и надзора не определяет психологию стукомании советского общества. Его основа – общая система взаимного доноса, вырастающая из социальных основ общества как норма и привычная форма бытия. Система отчета и контроля есть официальная система доноса как форма нормальной жизни общества. Органы – это выражение таинственной для Запада ибанской (русской или советской?) души (Зиновьев, 2023. С. 430–432).

ющих высот» и «Желтого дома» А. А. Зиновьева и систематизации мнений других выдающихся шестидесятников – писателей и философов – тоже можно создать капитальное исследование ради выработки строгой системы идей о различных аспектах доноительства как особого феномена советской социально-политической реальности и идеологической сферы – в особенности. Этот компендиум может быть положен в фундамент концепта поднадзорного общества в условиях досоветской, советской и постсоветской России.

Нелли Васильевна положила в это строительство весомую глыбу (Мотрошилова 2010). Вместе со своими коллегами она поставила проблемы обсуждения специфики призвания доносчика в советском обществе, а в среде профессиональных философов в особенности, включая центр-периферийные обстоятельства борьбы между неоортодоксами и догматиками на протяжении периодов расцвета и заката Советского Союза, влияния этого процесса на содержание и число доносов, в том числе на преобразование продуктов профессионального творчества в доносы (Колчинский, 2015).

В нынешней России все еще слышны голоса: надо государство превратить в «родной дом» (Игнатов, 2014). Значит, советская традиция беспризорничества до сих пор не сдала своих позиций, – ведь только бастарды ищут приют у кого-то третьего, к тому же анонимного, вместо отца и матери. Между тем опыт почти ста миллионов людей, выработавших на протяжении целой истории искусство быть неповластным, остается пока неосвоенным (Скотт, 2017). Зато на протяжении 2000-х годов стало окончательно ясно, что руководство страны внедрило в жизнь перелицованный тоталитаризм, элементом которого является система доносов (Гудков¹, 2022). Такая государственная система порождает всеобщую преступность, которую Ханна Арендт давно назвала «банальностью зла». Речь идет о том, что чем большее число индивидов участвует в делах государства в качестве членов властно-бюрократической иерархии, исполнителей ее указаний и доносчиков различных рангов, тем более юристы избегают постановки и обсуждения «...самого взрывоопасного вопроса – вопроса о почти поголовном соучастии в преступлении всего народа, а не только тех его представителей, которые были членами нацистской партии» (Арендт, 2008. С. 6).

Применительно к советской России это значит, что феномен доноительства можно рассматривать в контексте дилеммы «коллорабационизм – сопротивление», причем коллорабантами люди становятся при сотрудничестве не с чужой, а со своей властью: «Ликвидировать коллорабационизм или, по крайней мере, свести его к минимуму можно лишь при условии, если воин будет считать общественный строй в своей стране справедливым, а его защиту рас-

¹ Гудков Л. Д. – глава Левада центра с декабря 2006 г. 5 сентября, 2016 г. Минюст РФ включил «Аналитический центр Юрия Левады» в реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/44306> (дата обращения: 17.10.2024).

смагивать как свой первостепенный долг. Это первое условие для устранения коллаборационизма целиком зависит от господствующих политических сил в данной стране» (Семиряга, 2000. С. 10). Возникающие при этом коллизии требуют объяснения доносительства в рамках общей политико-философской концепции, лишь крохотную часть проблем, которой я здесь наметил.

Список источников

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Х. Арндт. – Москва: Изд-во «Европа», 2008. – 424 с.

Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество / В. Ф. Асмус // Вопросы литературы. – 1961. – № 2. – С. 36–46. – EDN SEWNSC.

Буртин Ю. Г. Исповедь шестидесятника / Ю. Г. Буртин; под ред. В. Г. Хороса. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 638 с.

Войнович В. Автопортрет: роман моей жизни / В. Войнович. – Москва: Эксмо, 2010. – 863 с.

Гудков Л. Д. Возвратный тоталитаризм. В 2 т. Т. 1–2 / Л. Д. Гудков. – Москва: Новое литературное обозрение, 2022. – 720 с.

Гуревич А. Я. История – нескончаемый спор / А. Я. Гуревич. – Москва: РГГУ, 2005. – 891 с.

Гусейнов А. А. Философия шестидесятников как общественное явление / А. А. Гусейнов // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2022. – № 3. – С. 62–84. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.6284. – EDN PVXNZR.

Дуэль И. На собственной шкуре / И. Дуэль. – Москва: Голос, 2021. – 531 с.

Зиновьев А. А. Желтый дом / А. А. Зиновьев. – Москва: Канон + РООИ «Реабилитация», 2022. – 752 с.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты / А. А. Зиновьев. – Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. – 720 с.

Иванов Вс. Дневники / Вс. Иванов. – Москва: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. – 490 с.

Игнатов В. Д. Доносчики в истории России и СССР / В. Д. Игнатов. – Москва: Вече, 2014. – 415 с.

Клямкин И. М. Какая дорога ведет к праву? / И. М. Клямкин. – Москва: Либеральная миссия, 2018. – 1063 с.

References

Arendt H. The Banality of Evil. Eichmann in Jerusalem. *Moskva: Izd-vo "Yevropa" = Moscow: Publishing house "Europa"*; 2008. 424 p. (In Russ.).

Asmus V. F. Reading as Work and Creativity. *Voprosy literatury = Questions of Literature*. 1961; 2: 36-46 (In Russ.).

Burtin Yu. G. Confession of a Man of the Sixties. Ed. By V. G. Khoros. *Moskva: Progress-Traditsiya = Moscow: Progress-Tradition*; 2003. 638 p. (In Russ.).

Voynovich V. Self-portrait: a novel of my life. *Moskva: Eksmo = Moscow: Eksmo*; 2010. 863 p. (In Russ.).

Gudkov L. D. Returning Totalitarianism. In 2 volumes. Vol. 1-2. *Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye = Moscow: New Literary Review*; 2022. 720 p. (In Russ.).

Gurevich A. Ya. History is an endless dispute. *Moskva: RGGU = Moscow: RSUH*; 2005. 891 p. (In Russ.).

Huseynov A. A. Philosophy of the Sixties as a Social Phenomenon. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2022; 3: 62-84. DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.6284 (In Russ.).

Duel I. On My Own Skin. *Moskva: Golos = Moscow: Voice*; 2021. 531 p. (In Russ.).

Zinoviev A. A. Yellow House. *Kanon + ROOI "Reabilitatsiya" = Moscow: Canon + Regional public organization of the disabled "Rehabilitation"*; 2022. 752 p. (In Russ.).

Zinoviev A. A. Yawning Heights. *Moskva: Kanon + ROOI "Reabilitatsiya" = Moscow: Canon + Regional public organization of the disabled "Rehabilitation"*. 2023; 720 p. (In Russ.).

Колчинский Э. И. Публичный донос как способ «научных дискуссий» / Э. И. Колчинский // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2015. – № 1. – С. 237–246. – EDN TZIMHN.

Корсаков С. Н. Об эпистемологических основаниях биографики / С. Н. Корсаков, А. В. Козенко // Архив истории науки и техники. Вып. III. – Москва: Наука, 2007. – С. 247–267.

Корсаков С. Н. Советские философы поколения 1920-х годов / С. Н. Корсаков // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2022. – № 2. – С. 65–117. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.2.65117. – EDN CTADJB.

Кузнецова Н. И. Угольки воспоминаний / Н. И. Кузнецова // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2022. – № 1. – С. 111–127. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.1.111127. – EDN FRQPEQ.

Лекторский В. А. Мое философское поколение / В. А. Лекторский // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2022. – № 3. – С. 85–98. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.8598. – EDN MFZTLO.

Макаренко В. П. «Свой чужой»: концепт русской власти / В. П. Макаренко // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2010. – № 2. – С. 130–174. – EDN MUUIVP.

Макаренко В. П. Внутренний шпионаж как элемент бюрократического управления государством / В. П. Макаренко // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2014. – № 3. – С. 6–17. – EDN SYNZKT.

Мангель А. История чтения / А. Мангель; пер. с англ. М. Юнгер. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020. – 432 с.

Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Н. В. Мотрошилова. – Москва: Канон+, 2010. – 480 с.

Мотрошилова Н. В. О моем поколении / Н. В. Мотрошилова // Политическая кон-

Ivanov Vsevolod. Diaries. Moskva: IMLI RAN, Naslediye = Moscow: IMLI RAS, Heritage; 2001. 490 p. (In Russ.).

Ignatov V. D. Informers in the History of Russia and the USSR. Moskva: Veche = Moscow: Veche. 2014. 415 p. (In Russ.).

Klyamkin I. M. Which Road Leads to Law? Moskva: Liberal'naya missiya = Moscow: Liberal Mission; 2018. 1063 p. (In Russ.).

Kolchinsky E. I. Public denunciation as a method of “scientific discussions”. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political conceptology: journal of metadisciplinary studies*. 2015; 1: 237-246. (In Russ.).

Korsakov S. N. Soviet philosophers of the generation of the 1920s. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political conceptology: journal of metadisciplinary studies*. 2022; 2: 65-117. DOI 10.18522/2218-5518.2022.2.65117 (In Russ.).

Korsakov S. N., Kozenko A. V. On the Epistemological Foundations of Biographies. *Arkhiv istorii nauki i tekhniki. Вып. III. Moskva: Nauka = Archive of the History of Science and Technology. Issue III. Moscow: Nauka*. 2007: 247-267 (In Russ.).

Kuznetsova N. I. Coals of memories. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political conceptology: journal of metadisciplinary studies*. 2022; 111-127. DOI 10.18522/2218-5518.2022.1.111127 (In Russ.).

Lektorsky V. A. My philosophical generation. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political conceptology: journal of metadisciplinary research*. 2022; 85-98. DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.8598 (In Russ.).

Makarenko V. P. “Our own stranger”: the concept of Russian power. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political conceptology: journal of metadisciplinary research*. 2010; 2: 130-174 (In Russ.).

Makarenko V. P. Internal espionage as an element of bureaucratic management of the economy. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*

цептология: журнал мецдисциплинарных исследований. – 2022. – № 3. – С. 124–145. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.124145. – EDN NLNEZL.

Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / отв. ред. Э. И. Колчинский. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. – 1040 с.

Неретина С. С. Инакомыслящие / С. С. Неретина // Политическая концептология: журнал мецдисциплинарных исследований. – 2022. – № 1. – С. 73–110. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.1.73110. – EDN AZQSBN.

Неретина С. С. «Земля гудит метафорой». Философия и литература / С. С. Неретина. – Москва: Голос, 2022. – 603 с.

Петров М. К. Историко-философские исследования / М. К. Петров. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. – 512 с.

Подвластная наука? Наука и советская власть / РАН, Институт философии; сост., научн. ред. С. С. Неретина, А. П. Огурцов. – Москва: Изд-во «Голос», 2010. – 814 с.

Подорога В. А. Апология политического / В. А. Подорога. – Москва: Изд. дом НИУ-ВШЭ, 2010. – 286 с.

Поляков Ю. М. Любовь без мандата: [сборник] / Ю. М. Поляков. – Москва: Изд-во АСТ, 2021. – 784 с.

Пружинин Б. И. Мое поколение шестидесятых / Б. И. Пружинин // Политическая концептология: журнал мецдисциплинарных исследований. – 2022. – № 3. – С. 189–197. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.189197. – EDN KZVCOL.

Рац М. В. Диалоги книжников (вперемежку с монологами составителя) / М. В. Рац. – Москва: Инскрипт, 2012. – 431 с.

Розин В. М. Как я вижу вклад моего поколения в философию / В. М. Розин // Политическая концептология: журнал мецдисциплинарных исследований. – 2022. – № 3. – С. 169–188. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.169188. – EDN TNLHMS.

Русская власть и бюрократическое государство / отв. ред. В. П. Макаренко. –

= *Political conceptology: journal of metadisciplinary studies*. 2014; 3: P. 6-17 (In Russ.).

Mangel A. History of reading Transl. from English M. Junger. *Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbakh* = *St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House*; 2020. 432 p. (In Russ.).

Motroshilova N. V. Civilization and barbarism in the conditions of lower crises. *Moskva: Kanon* + = *Moscow: Canon* +; 2010. 480 p. (In Russ.).

Motroshilova N. V. About my generation. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy* = *Political conceptology: journal of metadisciplinary research*. 2022; 3 124-145. DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.124145 (In Russ.).

Science and crises: historical and comparative essays. Ed. E. I. Kolchinsky. *St. Petersburg, Dmitry Bulanin*; 2003. 1040 p. (In Russ.).

Neretina S. S. Dissenters. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy* = *Political conceptology: journal of metadisciplinary research*. 2022; 1: 73-110. DOI 10.18522/2218-5518.2022.1.73110 (In Russ.).

Neretina S. S. “The Earth Hums with Metaphor”. *Philosophy and Literature. Moskva: Golos* = *Moscow: Voice Publishing House*; 2022. 603 p. (In Russ.).

Petrov M. K. Historical and Philosophical Research. *Moskva: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN)* = *Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN)*; 1996. 512 p. (In Russ.).

Subservient Science? Science and Soviet Power. RAS, Institute of Philosophy; compiled, scientific ed. by S. S. Neretina, A. P. Ogurtsov. *Moskva: Izd-vo “Golos”* = *Moscow: “Voice” Publishing House*; 2010. 814 p. (In Russ.).

Podoroga V. A. Apology of the Conflict. *Moskva: Izd. dom NIU-VSHE* = *Moscow: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics*; 2010. 286 p. (In Russ.).

Polyakov Yu. M. Love without a mandate: [collection]. *Moskva: Izd-vo AST* = *Moscow:*

Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. – Ч. 2. – 629 с.

Сафрански Р. Ницше: биография его мысли / Р. Сафрански; пер. с нем. И. Эбанойдзе. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 453 с.

Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. – Москва: РОССПЭН, 2000. – 863 с.

Скотт Дж. С. Искусство быть неподвластным: анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Дж. С. Скотт; пер. с англ. – Москва: Новое издательство, 2017. – 568 с.

Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк; пер. с нем. А. Перцева; испр. изд.-е. – Екатеринбург: У-Фактория; Москва: АСТ, 2009. – 798 с.

Соколов В. В. Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. Воспоминания и мысли запоздалого современника. 2-е изд., доп. и испр. / В. В. Соколов; ред. А. В. Никандров; Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. – Москва: Издатель Воробьев А. В., 2016. – 132 с.

Соловьев Э. Ю. «Философы-шестидесятники»: послевоенное братство отцов и детей / Э. Ю. Соловьев // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2022. – № 3. – С. 99–123. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.99123. – EDN SENJXT.

Степанянц М. Т. Открытое миру поколение / М. Т. Степанянц // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2022. – № 3. – С. 146–168. – DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.146168. – EDN MIKSLM.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля / П. А. Судоплатов. – Москва: ТОО Гея, 1996. – 507 с.

Синеокая Ю. В. Философские поколения / Ю. В. Синеокая, С. Н. Корсаков, Н. И. Лапин; автор идеи, сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. – Москва: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с.

AST Publishing House; 2021. 784 p. (In Russ.).

Pruzhinin B. I. My generation of the sixties. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political conceptology: journal of metadisciplinary studies*. 2022; 3: 189-197. DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.189197 (In Russ.).

Rats M. V. Dialogues of Scribes (interspersed with monologues by the author). *Moskva: Inscript = Moscow: Inscript*; 2012. 431 p. (In Russ.).

Rozin V. M. How I See the Contribution of My Generation to Philosophy. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2022; 3: 169-188. DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.169188 (In Russ.).

Russian Power and the Bureaucratic State. Ed. V. P. Makarenko. *Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University*, Part 2; 2015. 629 p. (In Russ.).

Safranski R. Nietzsche: A Biography of His Thought. Translated from German by I. Ebanoidze. *Moskva: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS = Moscow: Publishing house "Case" RANEPa*; 2016. 453 p. (In Russ.).

Semiryaga M. I. Collaborationism. Nature, typology and manifestations during the Second World War. *Moskva: ROSSPEN = Moscow: ROSSPEN*; 2000. 863 p. (In Russ.).

Scott J. S. The art of being uncontrollable: an anarchic history of the highlands of Southeast Asia. Transl. from English. *Moskva: Novoye izdatel'stvo = Moscow: New Publishing House*; 2017. 568 p. (In Russ.).

Sloterdijk P. Critique of Cynical Reason. Trans. from German by A. Pertsev; corrected. ed. *Yekaterinburg: U-Faktoriya. Moskva: AST = Ekaterinburg: U-Factoria. Moscow: AST*; 2009. 798 p. (In Russ.).

Sokolov V. V. Philosophical sufferings and enlightenments in Soviet and post-Soviet Russia. Memories and Thoughts of a Belated

Философия и идеология: от Маркса до постмодерна / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов, сост. А. В. Рубцов. – Москва: Прогресс-Традиция, 2018. – 464 с.

Шмеман А. Д. Основы русской культуры. Беседы 1970–1972 / А. Д. Шмеман. – Москва: Русский путь, Изд. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2021. – 248 с.

Шмеман А. Д. Дневники. 1973–1983 / А. Д. Шмеман. – 2-е изд., исправленное. – Москва: Русский путь, 2005. – 717 с.

Contemporary. 2nd ed., suppl. and corrected. Ed. Nikandrov A. V. Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. *Moskva: Izdatel' Voroby'ev A. V. = Moscow: Publisher Vorobyov A. V.*; 2016. 132 p. (In Russ.).

Soloviev E. Yu. “Philosophers of the Sixties”: the post-war brotherhood of fathers and sons. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political Conceptology: a journal of metadisciplinary research*. 2022; 3: 99-123. DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.99123 (In Russ.).

Stepanyants M. T. A Generation Open to the World. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = Political Conceptology: a journal of metadisciplinary research*. 2022; 3: 146-168. DOI 10.18522/2218-5518.2022.3.146168 (In Russ.).

Sudoplatov P. A. Intelligence and the Kremlin. Notes of an Unwanted Witness. *Moskva: OOO Geya = Moscow: LLP Geya*; 1996. 507 p. (In Russ.).

Sineokaia Yu. V., Korsakov S. N., Lapin N. I. Philosophical Generations. Author of the idea, compiler and editor Yu. V. Sineokaia. *Moskva: Izdatel'skiy Dom YASK = Moscow: Publishing House YASK*; 2022. 1232 p. (In Russ.).

Philosophy and Ideology: from Marx to Postmodernism. Ed. A. A. Guseinov, A. V. Rubtsov, comp. A. V. Rubtsov. *Moskva: Progress-Traditsiya = Moscow: Progress-Tradition*; 2018. 464 p. (In Russ.).

Shmeman A. D. Fundamentals of Russian Culture. Conversations 1970-1972. *Moskva: Russkiy put', Izd. Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta = Moscow: Russian Way, Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities*; 2021. 248 p. (In Russ.).

Shmeman A. D. Diaries. 1973-1983. 2nd ed., revised. *Moskva: Russkiy put' = Moscow: Russian Way*; 2005. 717 p. (In Russ.).

Для цитирования: Макаренко В. П. Проблема создания собственной биографии мысли на фоне опыта моих учителей // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 6 (70). – С. 43–63.

DOI 10.18522/2227-8656.2024.6.4

EDN AKPJNY

История статьи:

Поступила в редакцию – 28.10.2024

Одобрена после рецензирования –
18.11.2024

Принята к публикации – 22.11.2024

Сведения об авторе

Макаренко Виктор Павлович

Доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра политической концептологии Высшей школы бизнеса Южного федерального университета
SPIN-код: 8142-1207
AuthorID: 73057
Vpmakar1985@gmail.com

Information about author

Viktor P. Makarenko

Doctor of Philosophical and Political Sciences, Professor, Honored Worker of Science, Director of Center of Political Conceptology of Higher School of Business, Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57195803598
Vpmakar1985@gmail.com